

Письма князя Дмитрія Александровича Хилкова къ М. С. Дудченко.

I.

12 Марта 1914 г.

Дорогой Митрофанъ Семеновичъ, получилъ Ваше письмо, которое меня удовлетворило гораздо больше предыдущаго. Цѣль моего писанія была не полемика и не исканіе истины, а лишь провѣрка нѣкоторыхъ моихъ предположеній. И провѣрка опросомъ живыхъ, обывковенныхъ людей—не ученыхъ богослововъ.

Поэтому, я и не обратился къ соч. Ричля, Гарнака и др., „научно“ обосновавшихъ тѣ мысли, которыхъ Вы придерживаетесь, а обратился къ Вамъ; желая знать именно Ваше мнѣніе. Мнѣ хотѣлось знать, въ чемъ Вы упрекаете Церковь и Ея ученіе? Въ чемъ именно Вы (а не Гарнакъ) видите искаженіе христіанства Церковью? Изъ Вашего письма я кое-что узналъ. Впрочемъ, немного и довольно отрывочно, но, все-таки, это неполное и отрывочное для меня интересное, чѣмъ полнота и систематичность Гарнака.

Вы совершенно правы, говоря, что я поставилъ Истину въ опредѣленныя рамки. Я утверждаю двѣ очень опредѣленныя вещи: 1) что передъ Пилатомъ стояла Истина во всемъ своемъ объемѣ и полнотѣ, 2) что церковные догматы суть тѣ—если хотите—рамки, которыя очерчиваютъ собою *всю доступную для насъ Истину*.

Къ этому я прибавляю: такъ какъ „рамки“ эти Божественны, то они въ одно и то же время представляютъ собой и необъятный просторъ, и „узкій путь“—тотъ Путь, Истину и Жизнь, которые стали плотью и обитали съ нами:

Изъ этого слѣдуетъ, что догматы Церкви настолько „просторѣе“ человѣческихъ ученій, носящихъ названія ихъ *изобрѣтателей*, насколько Божеское шире человѣческаго. И правильный взглядъ на догматы не въ томъ, чтобы „отвергать всякіе рамки“,—ибо само собою гонятно, что, разъ мы люди, то мы *ограниченны*—, а въ томъ, чтобы понимать, что Божественная рамка, данная намъ, несравненно шире всего того, что мы сами можемъ выдумать и придумать. И если мы уподобимъ „догматы“ ярму, то можемъ сказать про догматы то, что Иисусъ сказалъ про Свое ярмо.

Все вышесказанное можно разумно обосновать и доказать. Вы пишете, что мы заблуждаемся „не столько оттого, что неправильно мыслимъ, сколько оттого, что живемъ дурно“, то есть Вы говорите, что мысли людей, ихъ религія—зависятъ отъ нравственности. Это, дѣйствительно, *основа всякой мірскихъ ученій*. Она сводится къ тому, что ставитъ „внутреннее“ въ зависимость отъ внѣшняго.

Я думаю какъ разъ наоборотъ. Ибо Истина и Жизнь вѣчная зависятъ вовсе не отъ того или другого „полезнаго дѣланія“. Жизнь вѣчная въ *познаніи*; отъ познанія; изъ познанія—должно вытекать „дѣланіе“, а не наоборотъ.

Если стать на Вашу точку зрѣнія и быть логичнымъ до конца, то окажется, что все дѣло жизни человѣческой, со всѣмъ ея дѣланіемъ и со всѣмъ ея познаніемъ, всецѣло зависитъ отъ *законовъ производства*. Я не сосредоточиваю своего вниманія на разсудочныхъ выкладкахъ, а напротивъ того: *вовсе ихъ отрицаю*. Если Вы такъ поняли мое писаніе, то я думаю, что это потому, что Вы упустили изъ виду *основныя* положенія и не приняли ихъ во вниманіе. Въ данномъ случаѣ „основныя“ положенія слѣдующія: Какъ мы смотримъ на Основателя христіанства? По Церковному, или по Гарнаковски?

Гарнакъ говоритъ: *человѣкъ Иисусъ сталъ Господомъ Христомъ*.

Церковь говоритъ: *Господь, Сынъ Божій, сталъ человѣкомъ Иисусомъ Христомъ*.

Если *человѣкъ сталъ* Господомъ Христомъ, то получается „Человѣкобогъ“ и ученіе Человѣкобожества.

Если Богъ сталъ *человѣкомъ*, то получается „Богочеловѣкъ“ и ученіе Богочеловѣчества.

Какого же изъ этихъ двухъ ученій придерживаетесь Вы? Если бы Вы мнѣ это сказали, то я бы и самъ могъ легко вывести всѣ частные случаи. При ученіи „Человѣкобожества“ можно говорить и о разсудочности, и о рационализмѣ, и о духѣ человѣческомъ, ибо все это ставится во главу угла.

При ученіи Церкви—все это отпадаетъ „принципіально“. Но изъ этого не слѣдуетъ, что ученіе Церкви „глупое“. Напротивъ того, оно одно только истинно разумное. Но оперируетъ оно не голой человѣческой разумностью, т. е. духомъ человѣческимъ, а оперируетъ разумомъ, плѣненнымъ въ послушаніе Христу, т. е. Духу Божьему.

Вотъ тѣ основные вопросы и положенія, которые при всякой бесѣдѣ на религіозныя темы требуютъ предварительнаго выясненія. Безъ такого выясненія невозможно собесѣдникамъ понять другъ друга.

Въ особенности, если стать на почву *утилитарной*, „полезной“ нравственности.

Ибо мы всѣ знаемъ, что стойки и атеисты достигали и достигаютъ большого совершенства въ области нравственной. Къ чему же тогда религія?

Я совершенно не понимаю, о какой это Вы говорите „скорлупѣ“, которая, будучи связана съ нашей внутренней жизнью, „приобрѣтаетъ самое отрицательное значеніе, въ лучшемъ случаѣ—какъ баластъ, а въ худшемъ—какъ фальсификація“...

„Скорлупа“ — дѣло внѣшнее и видимое: это, именно, и есть та „утилитарная“, полезная, человѣческая нравственность, которая называется „хорошей“ (но безъ религіи) *жизнью*.

Церковное ученіе, проповѣдуя Богочеловѣчество, въ принципѣ отрицаетъ эту „скорлупу“.

Если же Вы, не вѣря въ воплощеннаго Бога, проповѣдуете обожествившагося человѣка, то Вы, *значить, именно и утверждаете эту „скорлупу“*, т. е. утверждаете „человѣческое“ (внѣшнее) и отрицаете Божеское (внутреннее). Отсюда Вамъ должно быть ясно, насколько важно уяснить себѣ и собесѣднику свою точку зрѣнія, т. е. отвѣтить себѣ и другому на вопросъ: кого исповѣдуете, говоря объ Иисусѣ Христѣ: воплотившагося Бога или обожествившагося человѣка?

Собственно говоря, я только объ этомъ Васъ и спраши-

валь. И еще желалъ узнать *Ваши основанія* для того или другого исповѣданія.

И странное дѣло, насколько я могъ замѣтить, многие именно этотъ коренной вопросъ и обходятъ. Правда, *косвенно Вы отвѣчаете*, утверждая принципы „человѣкобожества“. Вы, напримѣръ, пишете: „Только соблюденіе чистоты жизни есть дѣйствительный фундаментъ, на которомъ могли бы крѣпко держаться разныя надстройки“. Это и есть принципиальное утвержденіе „дѣлъ закона“. Тутъ принципиально утверждается законъ *благочестія*, и принципиально отвергается „законъ *благодати*“. И обратите вниманіе на поразительный фактъ. Если стать на Вашу точку зрѣнія, то при полемикѣ или разговорѣ съ „революционеромъ“ придется основываться на тѣхъ *принципахъ*, которые при полемикѣ съ церковникомъ приходится отрицать. Выходитъ какъ будто *два мѣрка*. Одна мѣрка—для сужденія объ революціонныхъ ученіяхъ. Другая—діаметрально ей противоположная—для сужденія объ ученіи Церкви.

Это *само-противорѣчіе* особенно ясно видно изъ Вашихъ словъ. Вы пишете: „фундаментомъ для разныхъ надстроекъ должна быть чистота жизни“, а дальше говорите, что попытки къ *устройству* и организаціи „чистой жизни“ ни къ чему. Какъ же это понять? Вѣдь человѣкъ „животное общественное“, а потому фактически нельзя обойтись безъ организаціи, если только вѣрно, что фундаментомъ должна быть чистота жизни. Вотъ то Само-противорѣчіе, которое всегда будетъ на лицо во всѣхъ ученіяхъ, *кромя Церковнаго*. У Церкви этого нѣтъ и не можетъ быть, потому что для Церкви „чистота жизни“ вовсе не *фундаментъ*, а *слѣдствіе*. И въ этомъ вся суть дѣла. Чистота жизни не можетъ быть фундаментомъ, потому что фундаментомъ не можетъ быть *человѣческое: дѣла закона* и т. п. Такимъ фундаментомъ можетъ быть только „Божеское“. Этому, со словъ Спасителя и Его учениковъ, и учить Церковь.

Когда я изучаю то или другое ученіе, я стараюсь отдѣлить его отъ его исповѣдниковъ и, только сдѣлавъ это и изучивъ его такимъ образомъ, приступаю ко второму шагу, т. е. къ изученію ученія въ связи съ исповѣдниками.

И пришелъ къ заключенію, что 1) ученіе Церкви наиболѣе согласовано съ Благовѣствованіемъ, 2) только одно

Церковное учение Его исчерпываетъ, 3) по сравненію съ другими толкованіями обладаетъ наибольшей широтой и терпимостью.

Въ связи же съ „исповѣдниками“—одно учение Церкви дало людямъ *типъ святого*.

Другія же толкованія дали типъ мудреца. Типъ морально-человѣка; но *ни одно* не дало типа святости.

Еще ясно и понятно, что типы „Трехъ Старцевъ“ или типъ „Каратаева“ могли быть выработаны только православіемъ. И также ясно и понятно, что *такіе типы* не могли быть выработаны иными толкованіями.

Ясно и понятно, что „Отець Сергій“—типъ православный, какъ ясно и понятно, что ничего подобнаго въ другихъ „толкахъ“ быть не могло.

Ясно и понятно, что Церковь могла обладать такими типами, какъ Афанасій Великій, Сергій, Филиппъ, Серафимъ—какъ ясно и понятно, что протестантизмъ и отсебятина Лютера, или Кальвина, или другихъ такихъ типовъ породить не могли и не могутъ.

И это *факты*, а не „мечта воображенія“.

И это ясно и понятно. Ибо типъ святого, это типъ „смиренаго“, не выдвигающаго *свою* отсебятину. Типъ же „протестанта“ противъ Церкви, это—типъ, утверждающій *себя*.

Отсюда и *вѣчное* и прогрессивное *раздѣленіе*. Секты дробятся безъ конца, выставляя на своемъ знамени то или другое имя человѣческое. Иисусъ же Христосъ въ забвеніи.

Для „послѣдователей“ Онъ замѣняется тѣмъ или другимъ „учителемъ“. И это *факты*.

Церковь и возстаетъ и борется противъ такого учительства, утверждая Единаго и Вѣчнаго Учителя, Бого-Человѣка Иисуса Христа.

Хлысты подмѣняютъ Иисуса Христа Премудростью Божіей и кончаютъ обоготвореніемъ того или другого человека. И это вполне естественно и понятно. Противъ этого и возстаетъ Церковь. Если стать на хлыстовскую точку зрѣнія и замѣнять Иисуса Христа Премудростью Божіей, то получается нѣкоторое сходство съ ученіемъ Толстого.

Эго между прочимъ объясняетъ единеніе Трегубова съ Чуриковымъ. Только Чуриковъ и его послѣдователи послѣ-

довательно до конца, а Трегубовъ, „убоявшись“, остановился на поль-пути.

Что такое толкованіе личности І. Христа возможно, мы видимъ на примѣрахъ, начиная съ Арія.

По такому толкованію (представители Ричль и Гарнакъ) Іисусъ Христосъ—одинъ изъ „обожествившихся“ мудрецовъ. На *человѣкъ* Іисусъ почилъ Премудрость Божія, и онъ сталъ „Человѣкобогомъ“.

Такое толкованіе было и есть, слѣдовательно, возможно. Ричль и Гарнакъ умные и талантливые богословы, и, конечно, думаютъ, что имѣютъ основанія утверждать, что христіанство есть религія Человѣкобожества, а не Богочеловѣчества.

Толстой тоже думалъ, что имѣетъ основанія утверждать, что І. Христосъ—*одинъ* изъ земныхъ мудрецовъ. Онъ говорилъ, что Христіанство такъ „просто“ и „ясно“, что ему кажется, что, не будь Христа, онъ самъ бы додумался до Христіанства.

При этомъ Толстой забывалъ, что споконъ вѣка были мудрецы и основатели религій, утверждавшіе, что они *знаютъ* Истину, *знаютъ* истинный путь жизни. Но никогда и нигдѣ не было ни одного, который дерзалъ бы утверждать, что *Онъ Самъ* есть *Путь и Истина и Жизнь*. Богословамъ, подобно Гарнаку, приходится забывать эти *факты*. Это дѣлаетъ ихъ толкованія не серьезными.

Ибо они, забывая подобные факты, по существу дѣла говорятъ *не о Благовѣствованіи*, а просто *сочиняютъ* и предлагаютъ людямъ *свое* ученіе, не имѣющее ничего общаго (по метафизической сущности) съ Благовѣствованіемъ.

Я только объ этомъ и говорю. Совершенно даже не входя въ разборъ того, чье ученіе лучше: ученіе ли Христа, всецѣло вошедшее въ исповѣданіе Церкви, или ученіе Гарнака.

Я только утверждаю, что ученіе Гарнака есть его, Гарнака, ученіе и ничего общаго съ христіанствомъ не имѣетъ.

То же самое говорю и объ ученіяхъ сектантскихъ. Я констатирую *факты*. Сектанты призываютъ имя Іисусово—и творятъ Имъ чудеса. Это *фактъ*.

Другой *фактъ* въ томъ, что разъ они не „собираютъ со Христомъ“ (Христосъ „собираетъ“ членовъ Своего Тѣла—Церкви), то, значитъ, „расточаютъ“. Расточаютъ свою собственную жизнь. Утверждая „свою жизнь“ *внѣ* Христа, они

потеряют свою жизнь, ибо только тотъ, кто теряетъ свою жизнь во Христѣ, т. е. въ Его Тѣлѣ, въ Его Церкви—„приобрѣтеть“ свою жизнь. Вотъ это другой *фактъ*.

Мнѣ думается, что „терпимость“ и „объективность“ именно въ томъ, чтобы принимать въ соображеніе оба факта и сдѣлать изъ нихъ выводъ. Между тѣмъ, и миссіонеры (большинство ихъ;—есть счастливыя исключенія) и сектанты видятъ только *первый* фактъ. Миссіонеры по поводу его браются или его отрицаютъ.

Сектанты же утверждаютъ, что будто-бы этого перваго факта достаточно для спасенія, и радуются ему *вопреки* словамъ Спасителя.

Вотъ та неразбериха, которая нынѣ господствуетъ въ умахъ и представленіяхъ людей.

Одно только ученіе Церкви разумно борется противъ этой неразберихи, утверждая, что нельзя изъ Благовѣствованія Христа откидывать, по произволу, то одну часть, то другую. Что неразумно пользоваться *однимъ Писаніемъ*, отвергая то, что *передавалось устно*. Что надо, въ своихъ сужденіяхъ о христіанствѣ, принимать въ расчетъ то, какъ это ученіе понималось тѣми, которые его принимали „вездѣ“ и „всегда“.

Такія указанія и требованія я считаю въ высшей степени разумными и согласными съ простымъ здравымъ смысломъ.

Я еще вижу и знаю изъ разспросовъ, что именно эти простыя и ясныя полженія всегда *тщательно обходятся молчаніемъ* и игнорируются противниками Церкви. Изъ этого я дѣлаю заключеніе, что у этихъ противниковъ *нѣтъ на нихъ отвѣтовъ*.

Всѣ они спѣшаютъ перевести разговоръ на нѣчто, по существу совершенно другое, такое, о чемъ и спора нѣтъ. Напримѣръ, объ утилитарной нравственности.

Выходитъ, какъ будто Церковь *противъ* нравственности, тогда какъ всѣ знаютъ, что *одна* только Церковь, въ *лицѣ* своихъ *святыхъ*, выявила нравственность во всемъ ея объемѣ, полнотѣ и значеніи.

Къ чему же тогда сводятся нападки на Церковь? Я могу только сказать, что на основаніи „разспросовъ“ я пришелъ къ заключенію, что эти нападки *ни на чемъ серьезномъ не основаны*. Что эти нападки въ устахъ тѣхъ, которые при-

знають Евангеліе, основаны на сплошномъ какомъ-то *недо-разумнѣи* и серьезной критики выдержать не могутъ. Они вполне „субъективны“ и лишены разумныхъ и объективныхъ основаній. Сводятся въ большинствѣ случаевъ къ тому, что „попы плохи“! А когда спросишь: „сколько же вы знаете поповъ?“. Оказывается 5—10! Это, конечно, не серьезно!

Всего хорошаго Д. Хилковъ.

II.

29 Марта 1914

Дорогой Митрофанъ Семеновичъ, сегодня я получилъ въ конвертѣ съ напечатаннымъ адресомъ Н. А. Шейермана копию того Вашего письма, на которое я давно отвѣтилъ.

Письмо на боку съ дырками, что показываетъ, что оно сохранялось на машинкѣ? Что мнѣ съ нимъ дѣлать?

Я понялъ такъ, что, не получая отъ меня отвѣта, Вы просили Ш. послать мнѣ ту копию, которая сохранилась у него.

Нужно ли отсылать ему эту копию?

Вы совершенно правы, говоря, что Вамъ не кажется, чтобы я искалъ Истину. Я дѣйствительно, не ищу ея, ибо нашель ее въ Томѣ, Кто сказалъ: Я Путь и Истина и Жизнь.

Опять Вы совершенно правы, говоря, что я *навсегда* поставилъ ее въ рамки догматовъ. Ибо думаю, что Она, т. е. Истина, такъ же не можетъ переступить эти рамки, какъ мы съ Вами не можемъ выскочить изъ міра. И совершенно подобно тому, какъ я нахожу міръ довольно просторнымъ для своего тѣла, такъ точно я нахожу, что пространство духовнаго разумнѣнія, очертанное догматами, совершенно достаточно просторно для Истины. Конечно, той, которую и Вы и я, какъ *люди*, можемъ вмѣстить. И я думаю, что, если понимать, что такое догмать, то такъ же мало вѣроятія, чтобы Вы или я нашли Истину внѣ догмата, какъ мало вѣроятія, чтобы Вы или я соскочили съ земли. Я еще думаю, что не внѣшнее, не дѣла опредѣляютъ тѣ или другія мысли, а что, наоборотъ, внутреннее, т. е. мысли и вѣрованія, оживленныя благодатью, опредѣляютъ внѣшнее, т. е. дѣла. Я, по крайней мѣрѣ, изъ всего, что знаю про жизнь людей, пришелъ именно къ такому выводу.

Ни одного слова, никогда и ни въ одномъ письмѣ, я не говорилъ о „разсудочныхъ выкладкахъ“.

Я писалъ о томъ, что, по существу дѣла при серьезномъ отношеніи къ дѣлу, разумнымъ можно признать лишь одно Церковное пониманіе Христіанства.

Я писалъ еще о томъ, что рационалистическое пониманіе Христіанства по существу неразумно—хотя и „утилитарно“.

Когда я писалъ, что Вы пишете не на тему, я имѣлъ въ виду слѣдующее.

Я писалъ Вамъ о Христіанствѣ, какъ о чемъ-то большемъ, чѣмъ организація, или схема, или ученіе. Я писалъ объ Организмѣ. О томъ Тѣлѣ Христа, въ которомъ Христосъ нынѣ живетъ на землѣ—въ (тѣлѣ естества человѣческаго) Церкви Своей: слышимо, видимо и осязаемо.

Вы же мнѣ отвѣтили на тему ветхозавѣтнаго закона благочестія, и отвѣтили такъ, какъ будто я отвергаю Старый завѣтъ.

Я думаю слѣдующее: главное Ваше противорѣчіе самому себѣ въ томъ, что Вы въ одно и то же время *теоретически* отстаиваете законъ благочестія и организацію, а послѣ этого говорите, что на *практикѣ* все это ни къ чему.

Еще Вы не видите, что если кто-либо отвергалъ Христіанство (теоретически), какъ организацію, то одна только Церковь. Ибо превзошла организацію. Вы еще не видите, что, утверждая, что Богу нельзя служить въ ротѣ, а въ баталіонѣ можно, Вы именно утверждаете внѣшнюю организацію Христіанской жизни.

Да вѣдь иначе и быть не можетъ, если Вы отвергаете *Организмъ* тѣла Христова.

Обдумайте это дѣло серьезно и безпристрастно, и Вы увидите, что если только отвергнуть ученіе о живомъ Организмѣ тѣла Христова, то всплываетъ „организація“, т. е. партія, ничѣмъ по существу не отличающаяся отъ *всякой партіи*. И Вы еще увидите, что тогда какъ догматы Церкви живы и животворящи именно потому, что прилагаются къ живому тѣлу—Организму, правила религиозныхъ организацій и партій, какъ опредѣляющія *механическое* увеличеніе того, что мертво по существу,—сами мертвы.

Говорить же о ростѣ и жизни партій нельзя. Если Вы будете всыпать зерно въ мѣшокъ, то нельзя говорить о

„ростѣ мѣшка“. Совершенно также нельзя говорить о ростѣ „духовной жизни“, если человекъ, вчера исполнявшій 3 заповѣди, сегодня исполнить 4.

Собственно говоря, я совершенно не могу утверждать опредѣленно, въ чемъ напе разногласіе, такъ какъ Вы ни разу не коснулись *первоосновъ*. Все время Вы говорите о томъ, что можетъ быть понимаемо на много ладовъ.

Неужели же Вы думаете, что Церковь не учитъ чистотѣ жизни?

Вы говорите о какой-то Церковно-государственной организаціи. При чемъ же тутъ Церковь,—если Церковь—какъ учить Церковь—есть тѣло и организмъ?

Вы именно говорите только о вторичномъ, и ни слова о первичномъ.

Вы вдругъ выставляете, какъ первооснову, слова: „И люди не идутъ къ свѣту, потому, что дѣла ихъ злы!“

А я Васъ спрошу: почему ихъ дѣла злы?

Съ отвѣта на этотъ вопросъ и надо начинать при серьезномъ отношеніи къ дѣлу.

Церковь это и дѣлаетъ. Это же дѣлалъ и Христосъ. Церковь дѣлаетъ это потому, что ставитъ внутреннее выше внѣшняго. Раціоналисты иногда, а утилитаристы всегда, ставятъ внѣшнее выше внутренняго. Всѣ жестокости и инквизиціи были слѣдствіемъ того, что во главу угла выставлялось Иудейское представленіе о томъ, что Церковь—схема, ученіе и организація,—и игнорировалось, что Она есть Тѣло Христово.

И именно тотъ фактъ, что въ католичествомъ отдается первое мѣсто „разуму“, и повело къ тому, что явилась „юридическая“ точка зрѣнія: Индульгенціи и Инквизиція:

И мы знаемъ изъ фактовъ, что когда протестанты одерживали верхъ, то жесточайшимъ образомъ расправлялись съ католиками.

Я вообще вижу, что Вы совершенно не поняли моего письма и приписываете мнѣ „защиту“ того, противъ чего я борюсь.

Вы пишете: зачѣмъ намъ быть рабами, когда мы можемъ быть свободными!

Совершенно вѣрно. Вотъ именно поэтому я и приглашаю Васъ въ Церковь и берусь Вамъ показать, что внѣ Церкви нѣтъ свободы.

Я только прибавлю, что я дѣлаю различіе между свободой и своеволіемъ.

Я еще берусь показать, что то, что защищается внѣ Церкви подъ именемъ „свобода“, не есть свобода, а своеволіе.

И это Вамъ тотчасъ же выяснится, какъ только Вы дадите *опредѣленіе* свободѣ, скажете, что именно *Вы называете* этимъ именемъ.

Проповѣдь дѣломъ, проповѣдь жизнью—есть великое дѣло, и именно этому и учить Церковь.

Но не надо же забывать фактической стороны дѣла. Не надо забывать, что люди такъ устроены, что не только вегетаріанствуютъ, а еще собираются въ одно помѣщеніе и *очень долго говорятъ о томъ*: почему именно они вегетаріанствуютъ. Это значить слѣдующее: что во всякомъ дѣлѣ есть часть теоретическая и практическая. И это такъ важно, что Вы сами не разъ, а много разъ, говорили и писали о томъ, что надо вегетаріанствовать не столько изъ-за здоровья, сколько изъ-за чего то другого. Если Вы это вспомните, то уясните себѣ, о чемъ именно я писалъ.

Вы все время какъ бы нарочито игнорируете „мотивы“ дѣйствія, т. е. сторону внутреннюю, и все вниманіе сосредоточиваете на самихъ дѣлахъ, на внѣшнемъ.

И вотъ, если мы изслѣдуемъ мотивы и теорія, (ну, хоть Вашу теорію вегетаріанства), то увидимъ, что если мы придерживаемся Евангелія, то можемъ, утверждая одни и тѣ же дѣла, найти *два* совершенно различныхъ *теоріи*. И это было сдѣлано на первыхъ же порахъ христіанства.

Одна теорія утверждала законъ благочестія, Представителемъ былъ Іаковъ, а исповѣдниками юдеи Евіониты.

Другая теорія утверждала законъ благодати. Представителемъ былъ Іоаннъ, а потомъ Павелъ и Варнава.

Льву Николаевичу особенно нравились Евіониты. Павелъ же ему не нравился совсѣмъ. А Іоаннъ хотя и меньше не нравился, но всетаки не нравился.

Католичество и протестанство.

Православная церковь и раціоналистическія секты.

Слова Іисуса можно читать и такъ и этакъ. Раціоналистъ Гарнакъ, котораго повторяютъ всѣ раціоналисты, очень ученый богословъ, и, конечно, отлично сумѣетъ „раціоналисти-

чески“ обосновать свою точку зрѣнія на Иисуса Христа, какъ на обожествившагося человѣка, т. е. человѣкобога.

Къ несчастью всѣхъ раціоналистовъ оказывается, что если принять ихъ точку зрѣнія, то мы должны допустить: 1) что І. Христосъ не умѣлъ ясно и опредѣленно сказать то, что хотѣлъ сказать, и 2) что, не говоря *по существу* ничего такого, чего не могли принять Іудеи и во что сами бы не вѣрили, Онъ облакалъ свою рѣчь въ такую *форму*, которая выводила Іудеевъ изъ себя. Оказывается, что, не говоря по существу ничего такого, что Іудеи могли счесть за богохульство, Онъ облакалъ свою рѣчь въ такую *форму*, которая придавала Его словамъ смыслъ богохульства. Иначе говоря: Онъ *дразнилъ Іудеевъ*.

Вотъ именно съ *этимъ и нельзя согласиться*. А между тѣмъ, если принять раціоналистическое пониманіе, *то именно это и выходитъ*. И выходитъ такъ ясно и неопровержимо, что Ренанъ всячески извиняется за Иисуса и все сваливаетъ на поэтическій даръ и мечтательность.

Если І. Христосъ разумѣлъ Себя Сыномъ Божиимъ въ томъ же смыслѣ, какъ названы сынами Божиими всѣ люди, то спрашивается: почему же Іудеи Его распяли?

Если такъ понимать рѣчь Спасителя, то фарисеи какіе-то идиоты и сплошь негодяи.

Я, по крайней мѣрѣ, такъ о нихъ думать *не могу*.

Какое право имѣемъ мы думать про Каіафу, что онъ идиотъ и негодяй?

Онъ спрашиваетъ Христа: Ты ли Сынъ Божій? — Иисусъ отвѣчаетъ: да, такой же, какъ и ты и всѣ люди (такъ *по смыслу* раціоналисты толкуютъ отвѣтъ Спасителя).

И вдругъ Каіафа видитъ въ этомъ богохульство! Чтобы такъ толковать вопросъ Каіафы и отвѣтъ Спасителя, надо быть не только очень *плохого мнѣнія* о Спасителѣ и Каіафѣ, но, кромѣ того, совершенно *игнорировать элементарнѣйшія* данныя о природѣ человѣка вообще.

Раціоналисты, разумники, споткнувшись о „сверхъестественное“, представили все дѣло „противоестественнымъ“, — что съ точки зрѣнія *Разума и разумности гораздо хуже*. Сверхъестественное не отменяетъ естественное, а только *превосходитъ* его, противоестественное нарушаетъ и отвергаетъ естественное въ принципѣ.

И если можно членовъ Церкви назвать людьми, вѣрящими въ сверхъестественное, то рационалистовъ по всей справедливости можно назвать людьми *вѣрящими и проповѣдующими противоестественное*.

Для члена Церкви Иисусъ и его дѣла сверхъестественны. Для рационалиста Иисусъ и Его дѣла *противоестественны*. И если бы рационалисты хоть капельку подумали, имъ стало бы ясно и очевидно (напр. Гарнаку), что они проповѣдуютъ *противоестественнаго Иисуса*. Бѣда именно въ томъ, что они не думаютъ, а только разсуждаютъ. Вотъ отъ этого и предостерегаетъ насъ *Церковь и ея ученіе*. А чтобы не быть голословнымъ и не витать въ облакахъ, укажу вамъ какъ на примѣръ утвержденія и проповѣди „противоестественнаго“, на слова Добролюбова ¹⁾ (стр. 30, II выпускъ Всем. Единенія). Если слова *не суть* проповѣдь противоестественнаго, то въ нихъ нѣтъ никакого смысла, что вамъ легко увидѣть, если попытаете передать своими словами. Гдѣ тонко, тамъ и рвется! Всего хорошаго. Крѣпко жму вашу руку.

Д. Хилковъ.

---

¹⁾ Фамилія одного современнаго сектанта. М. II.